

*Д. В. Грузинский, адъюнкт научно-педагогического факультета  
Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь  
e-mail: dimagomel98@yandex.ru*

### **ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ, ВОЕННОСЛУЖАЩИХ И ИХ БЛИЗКИХ**

*Предлагается анализ теоретических, законодательных и прикладных проблем уголовно-правовой охраны сотрудников органов внутренних дел, военнослужащих и их близких, на основании которого дается обоснование перспективным направлениям дальнейшего изучения данного института.*

*Ключевые слова: уголовное право, уголовно-правовая охрана, уголовно-правовой институт, органы внутренних дел, сотрудник органов внутренних дел, военнослужащий, внутренние войска, законодательство, следственно-судебная практика, Уголовный кодекс.*

*D. V. Gruzinskii, Postgraduate Student of the Scientific and Pedagogical Faculty of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus  
e-mail: dimagomel98@yandex.ru*

### **THEORETICAL AND APPLIED PROBLEMS OF CRIMINAL LAW PROTECTION OF INTERNAL AFFAIRS OFFICERS, MILITARY PERSONNEL AND THEIR RELATIVES**

*The analysis of theoretical, legislative and applied problems of criminal law protection of internal affairs officers, military personnel and their relatives is offered, on the basis of which the justification of perspective directions of further study of this institute is given.*

*Keywords: criminal law, criminal law protection, criminal law institute, internal affairs bodies, internal affairs officers, serviceman, internal troops, legislation, investigative and judicial practice, Criminal Code.*

В настоящее время обеспечение правопорядка является одной из приоритетных задач, стоящих перед государством. Достижение названной задачи зависит от возможности беспрепятственного осуществления правоохранительными органами своей законной деятельности. Сотрудники органов внутренних дел и военнослужащие – одни из наиболее уязвимых для противоправных посягательств, поскольку находятся на переднем крае борьбы с преступностью. Указанные субъекты, а также их близкие наиболее часто подвергаются активному противодействию со стороны деструктивно настроенных лиц. Незамедлительное пресечение посягательств на законную деятельность сотрудников органов внутренних дел и военнослужащих правовыми средствами – безусловная необходимость. Именно поэтому важную роль играют нормы уголовного законодательства, регламентирующие уголовно-правовую охрану данных лиц.

Вместе с тем анализ положений Уголовного кодекса Республики Беларусь (УК), а также практики его применения свидетельствует о том, что нормы, обеспечивающие защиту личности представителей власти и их близких, правоприменительная практика нуждаются в пересмотре и корректировке. Это объясняется наличием ряда законодательных, правоприменительных и научных проблем, влияющих на эффективность уголовно-правовой охраны названных субъектов.

Имеется немало научных трудов, в которых исследуется эффективность уголовно-правовой охраны сотрудников органов внутренних дел [1–5], однако они посвящены анализу прежнего уголовного законодательства, а также практики его применения и не учитывают законодательные новеллы, современные тенденции развития общественных отношений.

Среди наиболее актуальных проблем уголовно-правовой охраны сотрудников органов внутренних дел, военнослужащих и их близких следует выделить следующие.

В науке отечественного уголовного права исторически сложился институт уголовно-правовой охраны представителей власти в правоохранительной сфере. Вместе с тем Законом Республики Беларусь от 26 мая 2021 г. № 112-3 «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности» (далее – Закон № 112-3) в УК были внесены существенные изменения и

дополнения, что позволяет по-новому взглянуть на указанный институт, исследовать объем и систематику норм, его очерчивающих. Так, Законом № 112-З УК был дополнен новой статьей «Незаконные действия в отношении информации о частной жизни и персональных данных» (ст. 203<sup>1</sup>), а в ст. 369 «Оскорбление представителя власти» внесены изменения, согласно которым в качестве потерпевших от данных видов преступлений могут выступать не только сам представитель власти, но и его близкие. Более того, Законом № 112-З закреплено, что в качестве потерпевшего от совершения преступления, предусмотренного ст. 362 УК, в настоящее время наряду с сотрудником органов внутренних дел может выступать военнослужащий. Вышеизложенное позволяет рассмотреть названный институт с позиции института уголовно-правовой охраны сотрудников органов внутренних дел, военнослужащих и их близких. Учитывая то, что нормы рассматриваемого уголовно-правового института расположены в различных главах УК, не унифицированы по сходным признакам, имеют различную терминологию, необходимо комплексно подойти к его анализу, выявить возможные законодательные проблемы, а также предложить пути их устранения. В этой связи он требует научной проработки.

Актуальна законодательная проблема регламентации и унификации круга потерпевших от преступлений против представителей власти и их близких. В одних нормах таковыми выступают сотрудник органов внутренних дел, военнослужащий (ст. 362 УК), сотрудник органов внутренних дел или его близкие (ст. 364 УК), сотрудник органов внутренних дел (ст. 365 УК), а в других – представитель власти или его близкие (ст. 369 УК), лицо или его близкие в связи с осуществлением служебной деятельности (ст. 203<sup>1</sup> УК). Полагаем, что категория потерпевших от данных видов преступлений нуждается в анализе и корректировке в части унификации терминологии, используемой законодателем. Неединообразный законодательный подход не способствует реализации принципов справедливости уголовной ответственности. В отдельных нормах существует необходимость отнесения к кругу потерпевших близких рассматриваемых лиц. Так, в настоящее время при совершении преступления в отношении близкого сотрудника органов внутренних дел или военнослужащего с целью воспрепятствования их законной деятельности данное обстоятельство не получает надлежащей правовой оценки. Отнесение такого деяния на основании п. 7 ч. 1 ст. 64 УК к обстоятельствам,отягчающим ответственность, с учетом его повышенной общественной опасности, на наш взгляд, не в полной мере реализует принцип личной виновной ответственности. Норма, предусмотренная ст. 362 УК, не охватывает деяние в виде убийства близкого сотрудника органов внутренних дел или военнослужащего в связи с выполнением ими обязанностей по охране общественного порядка. Конструкция ст. 365 УК об ответственности за вмешательство в деятельность сотрудника органов внутренних дел не предусматривает ответственности за посягательство на его близких с целью изменения характера законной деятельности сотрудника. Обращает на себя внимание конструкция ч. 1 ст. 366 УК, регламентирующая ответственность за насилие либо угрозу в отношении должностного лица, выполняющего служебные обязанности, или иного лица, выполняющего общественный долг, в соответствии с которой не предусмотрена ответственность за посягательства на имущество близких указанных лиц [6, с. 67]. Все вышеназванные пробелы создают почву для применения уголовного закона по аналогии, что недопустимо в уголовном праве, а наличие отмеченных законодательных проблем свидетельствует о необходимости комплексного подхода в их решении.

В настоящее время с учетом потребности в усиленной уголовно-правовой охране рассматриваемой категории лиц следует обсудить вопрос о социальной обусловленности криминализации таких деяний, как дискредитация сотрудника органов внутренних дел, военнослужащего или их близких в связи с выполнением ими служебных обязанностей [7, с. 148]. Это связано с тем, что существующих возможностей УК для оценки распространения заведомо ложных сведений, дискредитирующих указанных лиц, недостаточно. Безусловно, дискредитация сотрудника органов внутренних дел, военнослужащего создает отрицательный образ, способный повлиять на восприятие обществом личности правоохранителя, влечет искаженное представление об этих лицах, подрывает их авторитет, доверие и профессиональную репутацию. Дискредитация является серьезным вызовом для правоохранительных органов и требует мер по защите сотрудников от ложных обвинений и дезинформации.

Существует ряд проблем законодательного конструирования уголовно-правовых санкций отдельных норм об ответственности за преступления против порядка управления.

Так, в теоретических источниках учеными (Ю. Е. Духовником, Е. А. Реутской) обращалось внимание на проблему минимального и максимального порога санкции ст. 362 УК [8]. В настоящее время действующая редакция санкции ст. 362 УК не в полной мере позволяет судам реализовать принцип дифференциации уголовной ответственности лиц, совершивших указанное преступление в возрасте от 16 до 18 лет. Это связано с тем, что нижний порог наказания в виде лишения свободы за совершение данного вида преступления ограничен 12 годами. Вместе с тем, если указанное преступление совершит лицо в возрасте от 16 до 18 лет, то с учетом ограничения, закрепленного п. 4 ч. 2 ст. 115 УК, регламентирующего назначение наказания в виде лишения свободы несовершеннолетним, такому лицу суд не может назначить наказание свыше 12 лет. Соответственно, единственно возможным вариантом вида, срока и размера наказания за данное преступление несовершеннолетнему является 12 лет лишения свободы.

Такая законодательная регламентация санкции ст. 362 УК исключает возможность судебного усмотрения при назначении уголовного наказания с учетом личности виновного несовершеннолетнего, обстоятельств, связанных с целями и мотивами содеянного, ролью и поведением несовершеннолетнего во время или после совершения преступления, не способствует реализации принципа справедливости уголовной ответственности.

Помимо вышеизложенного, следует обратить внимание на законодательный подход конструирования нижних пределов санкций за деяния, ответственность за которые предусмотрена ч. 2 ст. 363 и ст. 364 УК. С учетом изменений и дополнений, внесенных в УК Законом № 112-З, законодатель фактически уравнивал общественную опасность указанных видов преступлений, что справедливо вызывает вопрос о целесообразности такого законодательного решения. Действующие редакции санкций ч. 2 ст. 363 УК, влекущей ответственность за насильственное сопротивление сотруднику органов внутренних дел или иному лицу, охраняющим общественный порядок, и ст. 364 УК, влекущей ответственность за насилие либо угрозу применения насилия в отношении сотрудника органов внутренних дел, не в полной мере позволяют судам реализовать принцип дифференциации уголовной ответственности лиц, совершивших данные виды преступлений. Такой вывод обусловлен тем, что верхний порог наказания в виде лишения свободы за совершение двух указанных видов преступлений регламентирован одинаково – семью годами. Однако очевидно, что преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 363 УК, с учетом обстановки его совершения – выполнения сотрудником органов внутренних дел или иным лицом обязанностей по охране общественного порядка, явно свидетельствует о повышенном уровне общественной опасности по сравнению с опасностью преступления, ответственность за которое предусмотрена ст. 364 УК. Выполнение обязанностей по охране общественного порядка является задачей, обеспечивающей не только общественный, но и национальный интерес в социальной сфере. Именно поэтому норма, предусмотренная ч. 2 ст. 363 УК, является специальной по отношению к норме, предусмотренной ст. 364 УК, и должна регламентировать более строгую уголовную ответственность.

Существует необходимость реализации более точной дифференциации уголовной ответственности за преступления, предусмотренные ст. 363, 364, 366 УК, в зависимости от степени интенсивности примененного насилия либо его угрозы (опасного либо не опасного для жизни или здоровья потерпевшего). В настоящий момент такая дифференциация законодателем вовсе не производится. Разрешение данной проблемы позволит наиболее точно применять меры уголовной ответственности за совершение рассматриваемых преступлений.

Требуется критический анализ законодательного подхода к конструированию квалифицированных видов составов преступлений института уголовно-правовой охраны сотрудников органов внутренних дел, военнослужащих и их близких. Например, действующая конструкция ч. 2 ст. 363 УК не предусматривает уголовную ответственность за принуждение сотрудника органов внутренних дел к выполнению явно незаконных действий группой лиц, что является законодательным пробелом, не влияющим на эффективную охрану названных лиц. Существует необходимость выделения квалифицирующих признаков в норме, указанной в ст. 364 УК.

Имеется ряд вопросов в части законодательной техники построения названий статей об ответственности за совершение преступлений против сотрудников органов внутренних дел, военнослужащих и их близких, которые не отражают сущности рассматриваемых видов преступлений. Так, альтернативное действие в виде принуждения сотрудника органов внутренних дел

к выполнению явно незаконных действий не отражено в названии ст. 363 УК, что негативно влияет на качество уголовного закона. Название ст. 364 УК не в полной мере отражает круг лиц, потерпевших от указанного вида преступления.

Актуальна проблема устранения межотраслевой рассогласованности уголовного и административного законодательства, что влияет на неединообразие практики применения норм рассматриваемой группы. Например, в настоящее время административное правонарушение, ответственность за которое предусмотрена ч. 2 ст. 24.4 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (КоАП), сложно отграничить от уголовно наказуемого деяния, ответственность за которое предусмотрена ст. 369 УК. Так, диспозицией ч. 2 ст. 24.4 КоАП предусмотрена административная ответственность за оскорбление должностного лица государственного органа (организации) при исполнении им служебных полномочий лицом, не подчиненным ему по службе, совершенное в публичном выступлении, либо в печатном или публично демонстрирующемся произведении, либо в средствах массовой информации, либо в информации, распространенной в глобальной компьютерной сети Интернет, иной сети электросвязи общего пользования или выделенной сети электросвязи. В названной норме потерпевшим выступает должностное лицо государственного органа (организации), которое по своим признакам сходно с потерпевшим, указанным в диспозиции ст. 369 УК, влекущей ответственность за оскорбление представителя власти в связи с выполнением им служебных обязанностей, совершенное в публичном выступлении, либо в печатном или публично демонстрирующемся произведении, либо в средствах массовой информации, либо в информации, размещенной в глобальной компьютерной сети Интернет. Очевидно, что потерпевшими от административного правонарушения, ответственность за совершение которого предусмотрена ч. 2 ст. 24.4 КоАП, и от уголовно наказуемого деяния, влекущего ответственность по ст. 369 УК, могут выступать сотрудники органов внутренних дел, военнослужащие внутренних войск Министерства внутренних дел при исполнении ими служебных обязанностей. Подобная межотраслевая рассогласованность законодательства порождает проблему квалификации указанных деяний и правовую коллизию, не вносящую ясность в практику применения названных статей, и может повлечь необоснованное как снижение, так и повышение степени общественной опасности совершаемых виновным деяний. Вместе с тем не нужно забывать о существующем принципе толкования неустрашимых сомнений в пользу обвиняемого, закрепленном ст. 16 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь. Необходимо отметить, что на практике абсолютное большинство указанных деяний все же квалифицируются по ст. 369 УК [9, с. 155]. Полагаем, законодателю следует четко разграничить рассматриваемые деяния для разрешения названной проблемы.

На нормотворческом уровне требуется закрепление системообразующих признаков понятия «охрана общественного порядка», выступающего обстановкой ряда составов преступлений, посягающих на порядок осуществления законной деятельности сотрудников органов внутренних дел, военнослужащих, а также иных лиц. Неоднозначное понимание названной категории на практике может существенно повлиять на установление уголовной противоправности совершаемых деяний. Потребность уяснения определения данного понятия правоприменителем актуализируется еще и тем, что закреплявшее рассматриваемую правовую категорию постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 17 сентября 1993 г. № 7 «О судебной практике по делам о посягательстве на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции, народных дружинников, военнослужащих или иных лиц в связи с выполнением ими служебных обязанностей или общественного долга по охране общественного порядка» в 2021 г. утратило силу. Судебная практика в указанной части нуждается в правовой определенности.

В рамках рассматриваемой темы следует также обратить внимание на ряд правоприменительных проблем, связанных с толкованием признаков составов преступлений, а также оценочных понятий, содержащихся в нормах об ответственности за посягательства на представителей власти.

Так, необходимо отграничивать активное неповиновение, ответственность за совершение которого предусмотрена ст. 24.3 КоАП, от сопротивления сотруднику органов внутренних дел или иному лицу, охраняющим общественный порядок, которое квалифицируется по ст. 363 УК. Подобный вывод основан на анализе современной правоприменительной практики.

*Например, 8 июня 2022 г. судом Червенского района Минской области вынесен приговор в отношении лица, которое в ответ на законные требования сотрудника органов внутренних дел*

проследовать в служебный автомобиль для поездки в РОВД с целью разбирательства по сообщению о совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 10.1 КоАП, умышленно применило к нему насилие, нанеся не менее трех ударов руками и ногами по телу. Из приговора следует, что лицо, находясь у себя в квартире, отказалось проследовать в РОВД, легло спиной на диван и отмахивалось руками и ногами от сотрудников органов внутренних дел, желая воспрепятствовать выполнению ими обязанностей [10].

Вместе с тем 14 февраля 2024 г. судом Московского района г. Бреста вынесено постановление по делу об административном правонарушении, предусмотренном ст. 24.3 КоАП, в отношении М., который, являясь задержанным за совершение административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 19.3 КоАП, не выполнил законные требования находившегося при исполнении служебных полномочий сотрудника органов внутренних дел проследовать в органы внутренних дел для составления процессуальных документов, толкался, упирался ногами и руками, пытался вырваться [11].

22 февраля 2024 г. судом Речицкого района Гомельской области вынесено постановление по делу об административном правонарушении, предусмотренном ст. 24.3 КоАП, в отношении П., который, будучи задержанным за совершение административного правонарушения, предусмотренного ст. 19.3 КоАП, находясь в состоянии алкогольного опьянения, отказался проследовать в органы внутренних дел для ведения административного процесса, упирался, размахивал руками, хватался за форменную одежду сотрудника [12].

Если учесть, что под формулировками «толкался», «упирался», «размахивал руками» подразумевать активное противодействие сотрудникам органов внутренних дел в выполнении ими своих законных обязанностей, то в действиях виновных усматриваются признаки не административного, а уголовного правонарушения – сопротивления сотруднику органов внутренних дел. С учетом неединообразия судебной практики квалификации указанных деяний рассматриваемую проблему можно решить на правоприменительном уровне путем раскрытия содержания признаков уголовно наказуемого сопротивления либо административно наказуемого активно неповиновения на уровне постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь.

С учетом современных реалий на практике возникают вопросы с установлением момента окончания преступлений, предусмотренных ст. 364, 369 УК, в части угроз применения насилия либо оскорблений, совершенных посредством глобальной компьютерной сети Интернет. Оскорбительные высказывания в адрес сотрудников органов внутренних дел, военнослужащих и их близких, содержащие угрозы применения насилия, квалифицируются одними судами как деяния, ответственность за которые предусмотрена ст. 369 УК, другими – как деяния, ответственность за которые предусмотрена ст. 364 УК. Анализ приговоров судов по делам о посягательстве на сотрудников органов внутренних дел, военнослужащих дает основание полагать, что практика нуждается в подобных разъяснениях. В таких условиях не может быть и речи о единообразном применении закона, что недопустимо в правоприменительной деятельности и не способствует реализации, во-первых, эффективной уголовно-правовой охраны личности сотрудника органов внутренних дел, иного лица и их управленческой деятельности в правоохранительной сфере, а во-вторых, – принципов справедливости, личной виновной ответственности и гуманизма.

Разъяснения требуют вопросы разграничения деяний, ответственность за которые предусмотрена ч. 2 ст. 339 и ч. 2 ст. 363 УК, в части хулиганства, связанного с сопротивлением сотрудникам органов внутренних дел, пресекающим хулиганские действия. В ситуации совершения лицом хулиганства и его продолжения во время пресечения указанных действий сотрудниками органов внутренних дел такое деяние лица может квалифицироваться как хулиганство, сопряженное с сопротивлением лицу, пресекающему хулиганские действия, как сопротивление сотруднику органов внутренних дел, а также как совокупность рассмотренных видов преступлений. В этой связи нужны четкие правила квалификации подобных фактов, отсутствие которых способно привести к излишней квалификации по статье об ответственности за преступление, которое лицо не совершало, либо, наоборот, к невменению преступления, совершенного виновным.

В результате внесенных изменений и дополнений в УК Законом № 112-З в следственной и судебной практике возникает ряд проблем, связанных с оценкой действий, ответственность за которые предусмотрена ч. 3 ст. 203<sup>1</sup> УК (незаконные действия в отношении информации о част-

ной жизни и персональных данных лиц в связи с осуществлением ими служебной деятельности). Так, неясно, как отграничивать друг от друга такие признаки названного вида преступления, как предоставление и распространение информации о частной жизни и (или) персональных данных потерпевшего; актуален вопрос о том, что следует понимать под существенным вредом правам, свободам и законным интересам гражданина, если таковой носит нематериальный характер. Неоднозначное толкование указанного деяния также не позволяет единообразно квалифицировать данные деяния, совершаемые в отношении сотрудников органов внутренних дел, военнослужащих и их близких.

Перечисленные проблемы института уголовно-правовой охраны сотрудников органов внутренних дел, военнослужащих и их близких нуждаются в разрешении и устранении. Вышеизложенное позволяет сформулировать следующие выводы:

1. В настоящее время с учетом новелл уголовного законодательства нормативно оформился институт уголовно-правовой охраны сотрудников органов внутренних дел, военнослужащих и их близких. Нормы рассматриваемого уголовно-правового института расположены в различных главах УК, не унифицированы по сходным признакам, имеют различную законодательную терминологию и ряд законодательных проблем. Во-первых, требуется очертить конкретный перечень статей УК, призванных обеспечить уголовно-правовую охрану сотрудников органов внутренних дел, военнослужащих и их близких, концептуально подойти к названиям указанных статей, альтернативным деяниям и квалифицирующим признакам, за которые предусмотрена уголовная ответственность, терминам, употребляемым в текстах данных статей. Во-вторых, необходимо сформировать единый подход к определению круга потерпевших, которым надлежит обеспечить должную уголовно-правовую охрану. Кроме того, полагаем целесообразным пересмотреть санкции указанных уголовно-правовых норм, выявить те, которые вносят дисбаланс в дифференциацию ответственности за совершение преступлений названной группы. Именно поэтому рассматриваемый институт нуждается в обосновании, анализе и научной проработке.

2. Решение теоретических проблем, касающихся уголовно-правовой охраны сотрудников органов внутренних дел, военнослужащих и их близких, позволит системно подойти к анализу следственно-судебной практики применения норм об ответственности за совершение преступлений в отношении сотрудников органов внутренних дел, военнослужащих и их близких, сформулировать положения, разъясняющие отдельные нормы уголовного закона, а также правила квалификации в рамках самостоятельного постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь «О судебной практике по делам о посягательстве на жизнь, здоровье и достоинство сотрудников органов внутренних дел, военнослужащих или иных лиц», что будет способствовать единообразному применению уголовного закона, отграничению смежных составов уголовно наказуемых деяний друг от друга, а также преступлений от сходных правонарушений.

#### Список использованных источников

1. Добриян, С. В. Уголовно-правовые меры защиты представителей власти в правоохранительной сфере : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / С. В. Добриян. – Минск, 2010. – 146 л.
2. Ткаченко, В. С. Уголовно-правовая охрана личности сотрудников правоохранительных органов, обеспечивающих общественный порядок и общественную безопасность : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / В. С. Ткаченко. – М., 1998. – 219 л.
3. Кузьмин, А. В. Уголовно-правовая охрана личности сотрудников правоохранительных органов : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А. В. Кузьмин. – Краснодар, 2016. – 226 л.
4. Магомедов, М. М. Уголовная ответственность за посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / М. М. Магомедов. – М., 2009. – 225 л.
5. Балова, А. М. Посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А. М. Балова. – Самара, 2010. – 147 л.
6. Грузинский, Д. В. Уголовно-правовая охрана сотрудников органов внутренних дел Республики Беларусь, военнослужащих и их близких: законодательные, теоретические и прикладные проблемы / Д. В. Грузинский // Уголовная политика и культура противодействия преступности : Междунар. науч.-практ. конф. памяти проф. В. Е. Квашиса, Краснодар, 29 сент. 2023 г. : материалы / Краснодар. ун-т МВД России ; редкол.: А. Л. Осипенко [и др.]. – Краснодар, 2023. – С. 66–69.
7. Грузинский, Д. В. Проблемы института уголовно-правовой охраны сотрудников органов внутренних дел, военнослужащих и их близких на современном этапе / Д. В. Грузинский // Проблемы современ-

ной уголовной политики : Междунар. науч.-практ. конф., Иркутск, 21 апр. 2023 г. : материалы / Вост.-Сиб. ин-т МВД России ; гл. ред. О. В. Ивушкина. – Иркутск, 2023. – С. 146–149.

8. Духовник, Ю. Е. Построение санкций уголовно-правовых норм: законодательные проблемы и пути их решения / Ю. Е. Духовник, Е. А. Реутская // Юстиция Беларуси. – 2022. – № 5. – С. 44–47.

9. Грузинский, Д. В. Квалификация угроз и оскорблений сотрудников органов внутренних дел, военнослужащих и их близких, совершенных посредством сети Интернет / Д. В. Грузинский // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов : Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 18–19 мая 2023 г. : тез. докл. / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь» ; редкол.: П. В. Гридюшко (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2023. – С. 155.

10. Архив суда Червенского района Минской области за 2022 г. – Уголовное дело № 22126250046.

11. Архив суда Московского района г. Бреста за 2024 г. – Дело об административном правонарушении № 17АП24126/Н.

12. Архив суда Речицкого района Гомельской области за 2024 г. – Дело об административном правонарушении № 68АП24204.

Дата поступления в редакцию: 08.04.2024

УДК 343.6

**А. Н. Дрозд**, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права  
Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь  
e-mail: drozd-amvd@yandex.by

## ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ОСТАВЛЕНИЯ В ОПАСНОСТИ

*На основе анализа теоретических положений и правоприменительной практики рассматриваются проблемы квалификации деяний, связанных с оставлением в опасности. На примере конкретных судебных решений акцентируется внимание на спорных моментах квалификации по признакам состава оставления в опасности, в частности виновности лица в поставлении потерпевшего в опасное состояние, а также на правовой оценке таких действий при наступлении общественно опасных последствий. На основе разрешения поставленных вопросов приводится разработанная схема квалификации деяний, связанных с оставлением в опасности, в зависимости от субъективного отношения лица к деянию, поставившему потерпевшего в опасное для жизни или здоровья состояние, факта наступления общественно опасных последствий, причинения вреда различным охраняемым законом отношениям и иных обстоятельств дела.*

*Ключевые слова: квалификация, оставление в опасности, опасное для жизни и здоровья состояние, заведомое оставление без помощи лица, уголовная ответственность.*

**A. N. Drozd**, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of the Department of Criminal Law  
of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus  
e-mail: drozd-amvd@yandex.by

## PROBLEMS OF CLASSIFICATION OF LEAVING IN DANGER

*On the basis of the analysis of theoretical provisions and law enforcement practice the problems of classification of acts related to leaving in danger are considered. On the example of specific court decisions, attention is emphasized on the controversial points of classification of the elements of leaving in danger, in particular, the guilt of a person in putting the victim in a hazardous condition, as well as on the legal assessment of such actions at the onset of socially dangerous consequences. Based on the resolution of the issues raised, the developed scheme of classification of acts related to leaving in danger, depending on the subjective attitude of the person to the act that put the victim in a hazardous condition for life or health, the fact of occurrence of socially dangerous consequences, causing harm to various relations protected by law and other circumstances of the case.*

*Keywords: categorizing, leaving in danger, hazardous condition for life and health, deliberate leaving a person unaided, criminal liability.*

Более полувека назад В. Н. Кудрявцев в работе «Общая теория квалификации преступлений» обозначил, что квалификация преступления – одно из важнейших понятий науки уголовного права, широко применяемое в практической деятельности органов юстиции. Как справедливо